

акт, т. е. возврат к сфере «природы». Таким образом, строительство жилища — укрытия для брачно-семейной жизни — процесс не с одним вектором (от природы к культуре), а с двумя (и от культуры к природе). К сожалению, в мировой литературе, в том числе и в книге А. К. Байбурина, обходится стороной этот важнейший аспект — культурное обеспечение биологически-природных процессов.

В силу сказанного ритуал не только, как считает А. К. Байбурин, обеспечивает связи между организацией жизни коллектива и космическим порядком (с. 25). Это не только коммуникация с сакральным, но и одновременно коммуникация с профанно-земным, необходимым биологически.

Автор отмечает перекодировку между человеческим телом, деталями дома и космосом (с. 11, 16). Но это явление, широко представленное в разных традициях, для восточнославянской не столь характерно. Очевидно, оно соотносится с восприятием дома как обители смерти¹⁰. Видимо, всемирно распространено явление, близкое к комплексу «строительной жертвы». Строительство жилища оформляется ритуально-мифологически образом смерти. Слишком просто было бы здесь увязать только семиотическую перекодировку с обратным знаком. Речь должна идти прежде всего об осмыслении перехода от культуры к природе в биологических категориях. Мы снова возвращаемся к теме о захороненном и проросшем зерне. Не отрицая наличия семиотических универсалий в строительной обрядности, мы хотим подчеркнуть значение форм жизненного опыта восточных славян — исконных земледельцев. Этот опыт специфичен, как и у других народов.

Сравнительно небольшая по объему книга А. К. Байбурина — не просто шаг вперед, связанный с разработкой проблем символики восточнославянского жилища. Это одна из тех книг, которая побуждает к размышлению о широких культурных процессах. Можно сказать, что интересы нашей науки требуют подобных исследований по жилищам других народов.

Я. В. Чеснов

¹⁰ Завойко Г. К. Вера, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губ. — Этнографическое обозрение, 1914, кн. 103, вып. 3—4, с. 83; Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978, с. 465—466.

НАРОДЫ СССР

Г. С. Маслова. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.

Вышел в свет очередной труд крупного специалиста по одежде славянских народов Г. С. Масловой. Одежда, как известно, тесно связана с духовной жизнью народа, его обрядами и обычаями и кроме своего основного предназначения — предохранять человека от неблагоприятных воздействий внешней среды — имеет множество других функций: этно-, поло-, социально-разделительную, эстетическую и др.

Изучение обычаев, обрядов и различных атрибутов обрядовых действий, в том числе и одежды, — одна из важнейших проблем этнографической науки. Оно позволяет решать вопросы, связанные с историей формирования и развития народов, проследить культурно-бытовые связи и взаимовлияния, выявлять этнические и региональные различия. Вместе с тем исследование обычаев и обрядов имеет и большое практическое значение, так как дает возможность отбирать из богатейшего наследства, доставшегося нам от прошлого, все ценное и полезное и в новом качественном оформлении вводить в нашу современную жизнь.

Литература о семейной, особенно свадебной, обрядности русских, украинцев и белорусов исключительно велика. Описанию отдельных обрядов и используемой при этом одежды, а также других атрибутов обрядности посвящены многочисленные статьи, заметки и монографии XIX — начала XX в. Г. С. Маслова закономерно разделила всю этнографическую литературу на три периода: первая половина XIX в., вторая половина XIX — начало XX в. и советский период. Основные работы по всем трем периодам использованы в монографии весьма полно. В научный оборот введены также многочисленные архивные материалы. Несмотря на обилие литературы по семейным обрядам, специальных обобщающих трудов о роли народной одежды в обрядовой жизни всех восточнославянских народов по существу нет. Книга Г. С. Масловой — первый опыт подобного обобщения — заполняет существенный пробел в этнографических знаниях о роли народного костюма в духовной жизни восточнославянских народов. В ней весьма обстоятельно охарактеризована роль одежды в свадебных, погребальных и родильных обрядах, а также в календарных и некалендарных обычаях и обрядах; показаны некоторые тенденции развития обрядовой жизни и роли одежды в обрядах в советский период. Очень ценной является библиография (более 300 названий), где представлены практически все работы по данному вопросу как дореволюционных, так и советских авторов.

На основании анализа огромного материала Г. С. Маслова показала, что одежда, выполняя экономические, социальные, эстетические и другие функции, в обрядах приобретает и магическое значение. Так, в главе, посвященной роли одежды в свадебных

обрядов, отмечено, что свадебный костюм был тесно связан с магией, выполняя различные функции, в том числе оберега и очищения.

Интересны приводимые автором примеры ряжения на свадьбе у восточных славян, особенно переодевания в одежду другого пола. Символика его в XIX в. уже была утрачена. В этот период ряжение имело преимущественно развлекательный характер, но, как справедливо отмечает Г. С. Маслова, в нем сохранились элементы продуцирующей, апотропейной и карпогонической магии. Несомненно, с ними связано и переодевание невесты и жениха, имеющее целью скрыть их, «ввести в заблуждение, обмануть злых духов» (с. 78).

Как известно, у всех славян вообще и у восточных в частности большую роль в обрядовой жизни играли прическа и головные уборы. Во время свадьбы, например, женская прическа менялась несколько раз. В работе подробно описаны обряды расплетания, продажи и выкупа косы, подрезания волос, смена головных уборов в различные моменты свадьбы и т. п. Обычай закрывания волос замужней женщиной Г. С. Маслова, следуя мнению Н. П. Гринковой и Н. И. Гаген-Торн, склонна связывать с представлением о магической силе, заключенной в волосах, и способностью невесты при вступлении в семью мужа нанести вред его роду, если она войдет в дом с непокрытой головой (с. 56—57). Однако нам кажется, обычай окручивания невесты правильнее связывать с половым табу и рассматривать женские головные уборы в качестве его знака. Известно, что при инициациях, а в последующем во время различных общественных празднеств девушки совершали ритуальные действия с распущенными волосами. В этот период они были доступны всем мужчинам. Закрывание волос символизировало принадлежность женщины только своему мужу. «Опростоволосить» женщину, т. е. показать ее с открытыми волосами другим мужчинам, считалось большим грехом. Термин «простоволоска» определяется В. И. Далем как незамужняя женщина вольного поведения. В народе существовал специальный заговор «от девки самокрутки, от бабы простоволоски».

В книге весьма обстоятельно показана роль верхней одежды, меха, обуви, украшений, платков, полотенец и других предметов в обрядовой жизни. Особое внимание уделено функции полотенца (рушников). Полотенцем связывали жениха и невесту, что служило «символом их дальнейшей согласной жизни» (с. 79), оно являлось непременным атрибутом свадебных чиннов, в частности дружки, полотенца вешали на божницу, стелили под ноги брачующихся и т. д. Большую роль играли полотенца и в похоронных обрядах. Их вывешивали на окнах в знак того, что в доме имеется умерший; на полотенцах гроб несли на кладбище и на них же опускали в могилу, рушниками завязывали ворота после выноса умершего и т. д. К сожалению, в монографии не высказаны соображения об истоках такой значимости полотенца в обрядовой жизни восточнославянских народов. Анализ функциональных ролей полотенца в семейной обрядности русского населения Среднего Поволжья позволяет предположить, что вышитые и браные полотенца сосредотачивали в себе два начала. С одной стороны, они представляли определенную материальную и эстетическую ценность, а с другой — являлись носителями знаков семейно-родственных коллективов, а возможно, и личных знаков женщин — представительниц данного рода. Сочетание двух начал в зависимости от конкретных ситуаций определяло все обрядовые функции полотенца: информативную, профилактическую, обереговую, соединительную, приобщающую, жертвенную и т. п.

В главе «Роль одежды в погребальных и родильных обрядах» дано описание погребальной одежды, ее цвета, материала и техники изготовления, способов одевания умершего, атрибутов снаряжения покойника и др. При изложении этих вопросов Г. С. Маслова отмечает как общие черты, характерные для всех восточных славян, так и особенности, присущие отдельным народам и региональным группам.

Как известно, большое значение в жизни восточнославянских народов имели обычаи и обряды, связанные с сельским хозяйством. Несмотря на то, что все традиционные народные праздники были приурочены к датам православного календаря, в них сохранялись многие архаические, дохристианские элементы, связанные с анимизмом, культом предков, магией и т. д. Это святочные ряжения, разнообразные масленичные игры, обряды и обычаи весенне-летних праздников и др. Специальная одежда играла большую роль во всех этих обрядах. Ей посвящена третья глава книги.

В четвертой главе «Некоторые итоги и тенденции развития одежды в обрядах и обычаях» делаются выводы из рассмотренного материала. Подчеркивая огромную роль одежды в обрядовой жизни восточнославянских народов, Г. С. Маслова показывает, какие изменения произошли в составе и характере ритуального использования одежды в советский период. В книге отмечается, что современные обрядовые комплексы представляют контaminaцию новых и переосмысленных традиционных элементов. Происходит унификация основных звеньев новых ритуалов, сближение обрядов города и села (с. 144).

Конечно, в одной книге очень трудно охватить все многообразие обрядовой жизни восточных славян. Многие обряды, уходящие своими корнями в далекое прошлое, впитали в себя разновременные пласты бытовой культуры, их особенности связаны с процессами формирования восточных славян в различных условиях обитания. Думается, в этой связи вряд ли правильно понимать обычай разувания мужа молодой как обычай, унижающий достоинство человека. Возможно, в XIX в. он так и осмысливался, но его первоначальное содержание было, по-видимому, иным. Материалы, собранные нами на территории Среднего Поволжья, позволяют считать, что обряд разувания жениха символизировал добровольность вступления невесты в брак. Первоначально разувание, вероятно, свидетельствовало о доброжелательном отношении к гостю, являлось символом «завершения пути» и гостеприимства. Так объяснялся этот обряд неко-

торами старожилами края. То же значение придавалось ему и в чувашском свадебном ритуале. Подтверждением аналогичного понимания обряда разувания мужа у восточных славян может служить зафиксированный летописью ответ Рогнеды на сватовство князя Владимира: «не хочу разуть робичича», который означает образный, основанный на общепринятой символике отказ. Обряд разувания включал также вознаграждение невесты деньгами, которые лежали в правом сапоге, и ее ритуальное бичевание плетью, находившейся за голенищем левого сапога. Следует отметить, что бичевание невесты (жены) рассматривалось многими авторами XIX—XX вв. в качестве дополнительного аргумента в определении смысла всего обряда в целом как демонстрации подчиненного положения женщины в семье, ее полной покорности мужу. Однако Н. Ф. Сумцов, Е. Г. Кагаров и другие этнографы склонны видеть в ритуальном бичевании отголоски апотропейного и карпогонического обрядов. По их мнению, бичевание сгоняло с невесты «порчу» и «нечистую силу» и повышало ее плодovitость. Если исходить из этого значения ударов плетью, то обряд разувания в целом может быть «прочитан» следующим образом: невеста (жена), встречая жениха (мужа), оказывает ему знаки гостеприимства, подтверждая тем самым добровольность вступления с ним в супружеские отношения. После этого жених (муж) вознаграждает ее деньгами и совершает обряд предбрачного очищения и повышения плодovitости.

Проанализированный Г. С. Масловой материал об обрядовой одежде русских, украинцев и белорусов говорит о большом сходстве ее у всех трех восточнославянских народов, а также о существовании особенностей, связанных со своеобразными условиями формирования населения в различных регионах расселения восточных славян, и наличии в обрядовой одежде русских, украинцев и белорусов элементов, характерных для соседних народов, как о следствии культурно-бытового взаимодействия. Однако эта последняя тема, как справедливо отмечает Г. С. Маслова, далеко не исчерпана и требует дальнейших исследований.

Рецензируемую книгу дополняет помещенная в Приложении работа И. И. Шангиной «Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР». Поскольку в музее наиболее полно представлена русская свадебная одежда из различных районов расселения русских, то и описана она особенно подробно. Что же касается украинской и белорусской одежды, то относительно небольшое по сравнению с русским количество экспонатов одежды, хранящихся в музее (русских — 75 тыс., украинских — 16 тыс., белорусских — 9 тыс.), не позволило с той же подробностью рассмотреть свадебную одежду различных групп украинского и белорусского населения. Тем не менее работа И. И. Шангиной служит хорошим примером научного описания коллекций и может облегчить проведение подобной работы в других музеях.

В целом работа Г. С. Масловой представляет собой исчерпывающий свод сведений и анализ обширного материала как накопленного другими этнографами в течение почти двух столетий изучения восточнославянских народов, так и собранного автором в этнографических экспедициях. Работа Г. С. Масловой имеет большое научное значение. На примере одежды в ней выявлены общие черты материальной культуры восточных славян, обусловленные историей формирования русских, украинцев и белорусов, и показаны этнические и региональные различия, порожденные своеобразием их социально-экономического и культурного развития.

Нам представляется, что рецензируемая работа имеет и большое методическое значение. Подобные исследования должны быть проведены и в отдельных регионах расселения русских, украинцев и белорусов. Книга Г. С. Масловой в значительной мере будет способствовать успешному осуществлению этой задачи.

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин

Ш. Д. Инал-ипа. Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. 190 с.

С каждым годом расширяется и углубляется изучение материального и духовного быта абхазского народа. И все-таки до настоящего времени нет еще исчерпывающей этнографической характеристики этого этноса: некоторые сферы традиционно-бытовой культуры абхазов остаются пока недостаточно или совсем не изученными. К их числу относится и культура общения, народный этикет. Историография этой проблемы невелика и по другим народам Кавказа¹. Поэтому новая работа Ш. Д. Инал-ипа, в которой исследуется эта важная проблема на абхазских материалах, существенно восполняет имеющиеся лакуны. Большим достоинством монографии является ее насыщенность фактами, причем не только добытыми из литературных и архивных источников, но, что самое главное, из самой жизни, из личных наблюдений автора — абхаза, родившегося и выросшего в типичной абхазской сельской семье.

Нужно отметить, что к проблемам, исследуемым в рецензируемой книге, Ш. Д. Инал-ипа обращается не впервые. В 1973 г. им был опубликован труд «Традиции и современность (по материалам этнографии абхазов)», в переработанном и дополненном виде переизданный в 1978 г. Рецензируемая монография в какой-то мере развивает положения предыдущих исследований автора, но по существу в ней рассматривается целый ряд новых аспектов.

¹ См.: Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978; его же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983.